

**КАК
ПУТИНУ
ОБУСТРОИТЬ
РОССИЮ**

**ФИЛИПП
БОБКОВ**

**КАК
БОРОТЬСЯ
С «АГЕНТАМИ
ВЛИЯНИЯ»**

Как Путину обустроить Россию

Филипп Бобков

**Как бороться с
«агентами влияния»**

«Алгоритм»

2011

Бобков Ф. Д.

Как бороться с «агентами влияния» / Ф. Д. Бобков —
«Алгоритм», 2011 — (Как Путину обустроить Россию)

Генерал армии Филипп Денисович Бобков свыше 20 лет возглавлял Пятое Управление КГБ СССР (политическая контрразведка). Все эти годы не прекращалась борьба с теми, кто хотел разрушить изнутри великую державу; тогда борьба закончилась поражением – сегодня, пишет в своей книге Ф.Д. Бобков, на повестке дня уже стоит вопрос о существовании России. «Видеть «запальные шнуры» и вовремя реагировать на них можно научиться только в том случае, если достало силы детально разобраться в их механизме», – отмечает автор и подробно рассказывает о том, как боролись с «агентами влияния» в советское время. Он приводит уникальные факты из деятельности Пятого Управления КГБ и подробности различных операций по нейтрализации антигосударственных элементов. Свой рассказ он дополняет оценкой нынешнего состояния России по данному вопросу и теми мерами, которые нужно предпринять российской власти, чтобы сохранить целостность и суверенитет нашей страны.

© Бобков Ф. Д., 2011

© Алгоритм, 2011

Содержание

Предисловие. Россия в опасности	6
Глава 1. «Основные точки» СССР	9
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Филипп Бобков
Как готовили предателей.
Начальник политической
контрразведки свидетельствует...

© Бобков Ф. Д., 2014

© ООО «Издательство «Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Предисловие. Россия в опасности

Недавно в московском Институте социально-политических исследований состоялась встреча специалистов. Там были представители Америки, Эстонии, Литвы, Латвии, Польши, Израиля. Тема обсуждения – закон США Public Law 86–90 «О порабощенных нациях». Этот закон был принят Сенатом и Палатой Представителей США в Конгрессе 17 июля 1959 года. Он был одобрен и утвержден президентом Эйзенхауэром. Казалось бы: «дела давно минувших дней, преданья старины глубокой», «запах нафталина». Ничего подобного – этот закон жив, активно действует, на него ссылаются, с ним сверяют настоящее и связывают будущее.

В этом законе (его еще иногда называют резолюцией) перечисляются «порабощенные нации» – более двух десятков тех, кого «путем прямой и косвенной агрессии» Россия «лишила национальной независимости». Список и полвека назад вызывал ощущение некоего абсурда, так как там через запятую шли и реальные, и неизвестные человечеству страны, такие, к примеру, как: «Идель-Урал», «Казакия». Сегодня же страны этого списка просто изумляют: названы сохранившие до сей поры свою коммунистическую направленность Куба, Северная Корея и КНР – были ли они порабощены Россией? Испытывают сейчас на себе ее тиранию?

Далее в списке страны, которые на момент издания этого закона относились к социалистическому лагерю, а также бывшие республики СССР. Говорится, что все народы этих стран, в том числе и такие, как «Идель-Урал» все время видят «в Соединенных Штатах цитадель человеческой свободы» и до сих пор «ищут их водительства в деле своего освобождения и обретения независимости». Также в законе-резолюции можно прочесть буквально следующее: «С 1918 года империалистическая политика русского коммунизма привела к созданию обширной империи, которая представляет собой зловещую угрозу безопасности Соединенных Штатов и всех свободных народов мира».

Если соотнести все с тем временем, когда эти строки рождались, – все обобщения и невинности можно оправдать холодной войной – война есть война. Но топор холодной войны, который, казалось бы, по логике собственной своей природы, должен был быть закопан в том же белорусском лесу, где схоронили страну Советов, активно «рубит головы» любым созидательным процессам, направленным на укрепление современной России. Не меняя ни лексик, ни сути, ежегодно, начиная с 1959 года и по сей день, в третью декаду июля «во исполнение названного закона» США озвучивают прокламацию в защиту порабощенных народов. Это создает правовую базу для вмешательства Америки во внутренние дела, как России, так и отдельных, получивших в 1991 году независимость государств – бывших республик СССР, а также и всего Содружества (СНГ) в целом. Это не пустые слова, а реальные действия: не случайно второе название этого закона в самой Америке звучит как: «Закон о расчленении России».

* * *

Расколота, раздробленная, усеченная Россия – глубинная и многовековая мечта ряда государств – недругов России. Менялись лозунги, флаги, «этикетки на топорах войн», но не менялась причина, и ее хорошо объяснил в свое время император Александр III в своем завещании Николаю II: «Нашей огромности бояться». Оглядываясь на историю, можно увидеть, как этот страх перерастал в агрессию у татаро-монголов, ливонцев, литовцев, шведов. Возьмем Наполеона и войны – Крымскую, Японскую, остановимся на Первой мировой войне, цели которой были сформулированы до ее начала, в 1914 году, в меморандуме кайзеровской Германии. Там говорилось, что завоевание России «...возможно будет стоить нам одного милли-

она людей...» Но «России... придется смириться с потерей земель, в особенности когда мы прикроем ее тыл для дальнейшей экспансии в Азию... Если таким образом вести, излишек энергии трех поколений немцев будет направлен на колонизацию Востока...». Англия потратила немало усилий для того, чтобы подтолкнуть Германию к осуществлению этого плана, а позже для развязывания гражданской войны внутри России.

До сих пор существует устойчивое выражение: «Власть в России захватили большевики». Но как им это удалось? У них было много лозунгов, но главный, который был созвучен настроениям людей, который позволил большевикам прийти к власти, – это был лозунг «Мир народам!». Временное правительство после Февральской революции продолжило войну, Керенский начал массовое наступление, бросив людей на верную смерть, тотальное поражение, – и большевики сказали то, что говорили солдатские матери: «Прекратить войну!». К этому моменту, в октябре 1917 года, Россия была уже развалена, рассыпана на куски, которые растаскивали, как мародеры, 14 государств. И опять же, именно Англия полностью инициировала белогвардейское движение. «Меня спрашивают, почему мы поддерживаем адмирала Колчака и генерала Деникина, – говорил в июле 1919 года Черчилль, – они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги».

Гражданская война «по наущению» извне – это всегда одна цель: развал, растаскивание на куски большой страны, контроль над ее территориями. История СССР знает много таких «наущений» – «порабощенные нации», которые ищут на протяжении полувека США, – одно из ярких тому свидетельств.

Большевикам удалось восстановить российское государство почти в прежних размерах. Позже советскому народу ценой героических усилий удалось отстоять не только свою страну, но и освободить весь мир от фашистских завоевателей. Не буду сейчас подробно останавливаться на роли тех же англичан в начале Второй мировой войны. Но напомним, что через год после войны прозвучала известная речь мастера наущений, английского премьер-министра Уинстона Черчилля, в Фултоне. Он призвал применить силу против СССР, причем немедленно, пока там нет атомного оружия. Торопился и американский президент Трумэн. В докладе, подготовленном по его поручению, говорилось, в частности: «Для быстрого сокрушения СССР в войне... США должны быть готовы вести атомную и бактериологическую войну».

Создание атомной бомбы в СССР подморозило эти планы, но не отменило их – началась холодная, или, как ее еще называли, психологическая война.

Уже в 1950 году в директиве США СНБ 20-1 говорилось о том, что «психологическая война чрезвычайно важное оружие для содействия диссидентству и предательству среди советского народа; она подрывает его мораль, будет сеять смятение и создавать дезорганизацию в стране...»

Документы в своей переключке через пространство и время говорят иногда на порядок больше, чем любые слова повествователя: 25 октября 1995 года на закрытом совещании Объединенного комитета начальников штабов Билл Клинтон сказал: «Последние десять лет политика в отношении СССР и его союзников убедительно доказала правильность взятого нами курса на устранение одной из сильнейших держав мира, а также сильнейшего военного блока... Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы...»

* * *

Сегодня на повестке дня снова стоит вопрос о существовании России. Видеть «запальные шнуры» и вовремя реагировать на них можно научиться только в том случае, если достало силы детально разобраться в их механизме. Известно, что образами прошлого продвигаются

проекты будущего. Сегодня Россия живет в нескольких системах координат и доминирует та, в которой советское прошлое красится сплошной черной краской – без полутонов. Но правда, выхваченная из контекста событий и состояния той среды, в которой эти события происходили, – страшнее лжи, потому что формально ее можно принять за истину. Вот я недавно слышал такую речь: опять, мол, уходим в изоляцию, оглянуться не успеем, как опять наши спецслужбы опустят железный занавес... Но выражение «железный занавес» впервые употребил Геббельс в своей статье в феврале 1945 года: «Железный занавес» против коммунизма». Черчилль в своей фултонской речи лишь повторил это выражение...

Сорок пять лет службы в органах госбезопасности позволяют мне видеть самые болезненные моменты нашей истории во всем их противоречивом многообразии – видеть, несмотря на эвфемизмы разного рода «наущения». Как писал в XVIII в. Георг Лихтенберг, «наши слабости нам уже не вредят, когда мы их знаем».

Глава 1. «Основные точки» СССР

Итак, я хочу рассказать вам о том, что знаю. Если посмотреть на самого себя со стороны, то можно увидеть, как тяжелый и во многом судьбоносный для человечества 20-й век «меня не миновал». Есть такое модное сегодня в научных, политических и журналистских кругах выражение: «реперные точки» – это точки, на которых основывается шкала измерений, к примеру, на них построена Международная температурная шкала Цельсия – температура замерзания (0°C) и кипения воды (100°C). Температуру прошедшего столетия, точки его замерзания и кипения, можно отчасти изучать по мне как по наглядному человеческому пособию. Судите сами: родился через год после смерти Ленина, на девятом году жизни Советского Союза. Можно сказать практически без натяжки, что детство социализма в нашей стране совпало с моим ранним детством. Те, кто жил при Ленине и пережил Первую мировую войну и Октябрьскую революцию, к моменту, когда я вел уже сознательную жизнь, были еще не старыми, полными сил и энергии людьми.

То, что сегодня как российская, так и мировая пресса называет страшным словом «голодомор», знаю не понаслышке: сам в 1932 году, будучи семилетним мальчишкой, радовался, как деликатесу, арбузным коркам, которые где-то добывал отец. Да и сам вместе с соседскими ребятами на берегу пруда собирал водоросли и ракушки, а мама отбирала из этого что-то для стола... Моя семья жила в Макеевке – это один из крупных промышленных городов Донбасса. К слову сказать, голод захватил не только Украину, наш город был забит массой голодающих из Курской области, которые, спасаясь, подались сюда из России в поисках куска хлеба.

Они ночевали на большой тлеющей горе – было в Макеевке такое место, где сжигался кокс. Когда кокс затухает, тепло остается еще очень долго, и зимой люди спали на этой рукотворной горе. Появляется сверху вагонетка – они бегут врассыпную, прошла – они назад, к своим теплым «спальным местам»... Голод захватывал многие области России, особенно же сильно крушил он людей в Белгородской и Курской областях. Но активисты из компартии Украины в начале 90-х годов почему-то призвали увековечить память голодомора только на Украине.

В 1934 году голод стал отступать, и детство наше обрело обычные черты советских школьников середины тридцатых годов XX века, – пионерские костры, песни, походы, школа, кружки. Чем были захвачены наши мысли? Прежде всего – гордостью за страну Советов, первую и единственную в мире страну социализма. Это было время, когда на необычайно высокую социальную планку поднялись рабочие люди. Сложно найти в сегодняшнем дне аналог такого всенародного признания трудовых подвигов, как это было в годы нашего детства. Любой ребенок на огромном пространстве СССР мог, не задумываясь, назвать фамилии героев производства, лидеров ударного коммунистического труда. Мы, дети Донбасса, были счастливы тем фактом, что самыми популярными в стране людьми оказывались наши земляки: шахтеры Изотов и Стаханов, трактористка Ангелина, машинист Кривонос, семья металлурга Коробова.

Вряд ли смогут это себе представить дети шахтеров, чья юность пришлась на 90-е годы, – их отцы были вынуждены стучать в столице нашей родины касками об асфальт, для того чтобы привлечь внимание властей к бедственному своему положению. Людям месяцами не платили зарплат, ребяташки в детских садах шахтерских городов падали в голодные обмороки. И я хочу здесь сразу подчеркнуть, что такого в годы советской власти, с середины 30-х годов, практически не было. Я, конечно же, говорю только о мирном времени, не о военном. Неуверенность в завтрашнем дне в мирное время у населения СССР появилась только с того момента, как политики самых разных мастей принялись раскачивать страну... Когда в пылу перестроечной риторики в конце 80-х и начале 90-х годов не заметили, как вместе с коммунизмом, против которого становилось модно и престижно выступать, умирала уникальная и мощная страна....

* * *

Но вернемся к «основным точкам» СССР, которые можно увидеть по моей биографии: таким образом, читатель, я надеюсь, освежит в памяти ближайшую нашу историю.

Я перешел в девятый класс школы, когда началась Великая Отечественная война. Уже к осени первого военного года немцы подошли к Донбассу, люди поспешно уходили из Макеевки. Трест «Донюжгаз», в котором прежде работал отец, эвакуировали в Пермь, и мы на семейном совете решили догонять его. Сказать, что это было трудно, – ничего не сказать, это было страшнее любого современного триллера... Человеческая память устроена удивительно: даже самые горячие бои уже на фронте, где я был ранен дважды и где видел тысячи и тысячи смертей, не так преследовали меня в оставшейся жизни, как дорога беженцев. Но и ее я начал вспоминать особенно часто, во всех деталях в начале 90-х годов, то есть спустя практически полвека. Стал вспоминать, когда на улицах Москвы начали появляться беспризорные дети и впервые появилось слово «бомжи» – люди, выброшенные на улицу, ведь при социализме это был нонсенс! История даже одного такого человека, если бы она попала на страницы ругаемой сегодня всеми, кому не лень, коммунистической прессы, потрясла бы все население республик СССР. В 90-х же, видя чуть ли не на каждом шагу детишек, кланчивших денег на хлеб, и стариков, вынужденных торговать у метро сигаретами, видя также оборванных, опустившихся, грязных людей, жадно ожидающих, что пообедают у торговых палаток что-то недоедят и остатки достанутся им, – я вспоминал баржу. Когда немцы в буквальном смысле подошли к Макеевке, мы с отцом покинули город, добрались до Сталинграда и решили попытаться выбраться на барже в Пермь. Людской поток буквально внес нас с ним туда, баржа уже была переполнена, но беженцев, стремившихся попасть в нее, было чуть ли не в тысячу раз больше, чем площадь ее борта. Люди, как могли, пытались попасть на нее, влезали и стояли, чуть ли не на одной ноге, не удерживались и падали в ледяную ноябрьскую Волгу. Их некому было спасать. Баржа должна была идти вверх по реке, и, когда она пошла, никто не предвидел, не предполагал, что так рано пойдет лед, – и она к утру встала. А пробиться к ней было совершенно невозможно, потому что не было под рукой ледокола. Трое суток на вмерзшей в лед барже люди без еды и воды выживали, как могли, многие заболели. А потом к нам пробился ледокол, всех «заложников льда» переправили на пассажирское судно «Тимирязев». Нам сразу дали горячий чай и еду. Наелись и через полчаса все заснули...

Думаю, что эта ситуация несопоставима с тем «тотальным спасением», которое мы все увидели на улицах родной страны через 50 лет. В лихолетье войны баржу с беженцами спасли, нас довезли до города Камышина и мы с отцом шли дальше вдоль железнодорожных путей, в основном пешком. В общей сложности, если считать, что вышли мы из дома в октябре и дошли до Перми в декабре, шли мы больше двух месяцев. И повсюду, на станциях, в городах, как только мы показывали документ, что выбираемся из оккупированного немцами города, нас кормили, да еще и с собой давали продукты в дорогу. Вот такая была забота о людях, и это – в войну. А уж в мирное время при советской власти таких явлений, как бомжи и беспризорники, вообще не существовало. А увидели мы людей за бортом жизни и «спасение», как уже говорилось, только в 90-х, то есть тогда, когда систему этой власти разрушили... Когда закончилась эпоха жизни СССР.

Но я про «реперные точки» века, а у нас с вами впереди еще две войны, где все как по шкале Цельсия – горячий фронт Великой Отечественной и невидимый фронт холодной войны...

Я расскажу в своей книге постепенно все, что так или иначе поможет найти ответ на главный, мучающий меня, больной вопрос: почему народ победивший фашизм и освободивший не только свою страну, но и целый ряд стран Европы от немецких оккупантов, проиграл в

холодной войне? Почему допустил распад Советского Союза? Любой ответ здесь будет только верхушкой айсберга, но есть одно всеобъемлющее понятие, которое многое объясняет. Как ни удивительно прозвучит: это – понятие веры. Да, несмотря на все ошибки и перегибы советской власти, в 41-м вера в советскую власть была просто колоссальной. Слова «Социалистическое отечество в опасности!» поднимали на «святой и правый бой» всех – это было абсолютное единение людей, населяющих первую в мире страну социализма, готовых любой ценой отстаивать свой советский строй жизни. И мы победили.

А к концу 80-х годов эта вера была растоптана.... К тому времени, чуть ли не общим местом в разговорах становилось уничижительное слово «совок», вместо гордого и четкого определения «человек советский». Пресса, тогда еще будучи советской, называла свою страну «тюрьмой народов». Но ведь заключенные, узнав о том, что на надзирателей напал враг, вряд ли пойдут биться за их свободу – страна же в 41-м шла на фронт в едином порыве.

* * *

Что же было до 41-го, откуда взялся этот единый дух веры? Какой была задумана советская жизнь, что в стране происходило? Давайте попробуем заглянуть в истоки советской власти, зададимся вопросом: что ее вызвало к жизни? До Октябрьской социалистической революции 1917 года была известная Февральская революция в том же году, А уже весной, выступая перед парламентом, премьер-министр Великобритании лорд Дэвид Ллойд Джордж (пресса тех лет называла этого человека «кучером Европы») заявил, что «Цель войны достигнута». Это заявление прозвучало в связи с сообщением о Февральской революции и свержении царя в России. Парламентарии Британии стоя аплодировали сказанному. Но если вся последующая риторика ненависти к России уже после Октябрьской революции была посвящена теме коммунистического строя, то почему же британский парламент так радовался свержению царя, отчего именно этот факт посчитал целью Первой мировой войны премьер-министр Англии? Здесь можно привести известные слова Клаузевица: «Россия не такая страна, которую можно действительно завоевать, т. е. оккупировать... Такая страна может быть побеждена лишь внутренней слабостью и действием раздоров. Достигнуть же этих слабых мест политического бытия можно лишь путем потрясения, которое проникло бы до самого сердца страны». Февральская революция до сердца проникла потому, прежде всего, что она лишила Россию традиционной государственности. Временное правительство не слышало чаяний народа, измотанного войной, непомерными земельными оброками и налогами крестьянства. Временное правительство вообще не было ориентировано на народ: оно смотрело в сторону Запада. Но присущий Западу индивидуализм не мог прижиться и не приживался в России, где испокон веков жил дух коллективизма и советов. Большевики же потому и смогли в итоге прийти к власти, что они, в отличие от меньшевиков и эсеров, имели почву и опору в народе. Они были единственной силой, способной устранить причины массовых негодований: прекратить, наконец, войну, отдать землю крестьянам, власть – Советам. А главное – вывести страну из хаоса, восстановить государственность, порядок.

Давайте вспомним, что именно с Февральской революции начался распад страны. Когда всего лишь через семь месяцев к власти пришли большевики, Украина, Белоруссия, Грузия, Азербайджан, другие территории, которые входили в состав царской России, уже провозгласили свою независимость... Спустя 70 лет ситуация повторилась, и мы с вами уже сами были ее очевидцами... То есть в момент начала и в момент конца советской власти страна была одинаково разбита, рассыпана, ее растаскивали по кусочкам все кому ни лень... И более чем 90 лет назад, и совсем еще недавно, в конце прошедшего века, Россию по предписанию Клаузевица и многих-многих других его последователей, которых достаточно много и сегодня, рушили изнутри, раздувая национальные конфликты. Здесь очень важно понимать, что до Февраль-

ской революции в многонациональной единой России таких конфликтов не было. Не было даже межрелигиозных войн, – люди верили по-разному и с уважением относились к вере друг друга, были едины. Давайте вспомним, сколько людей перебили католики, для того чтобы завоевать Европу. Вспомним Варфоломеевскую ночь: 10 тысяч убитых парижан, вспомним также гуситские войны. Ничего даже близко похожего в нашей стране не было. Путешественники из Европы изумлялись в XVI веке тому факту, что им в христианской стране попадаются на глаза мечети. Если в Европе встречалась католическая церковь – значит страна католическая и любая иная религия была запрещена под страхом инквизиции... Есть интересный факт: ислам как религия появился в IX–X веке. В России татары, башкиры, другие мусульманские народы праздновали тысячелетие своей религии, а нынешние мусульмане Европы насчитывают всего-навсего столетие существования ислама. Потому что из поколения в поколение люди, насильно обращенные в католичество, к примеру в Испании передавали друг другу, кто они есть на самом деле. И только сто лет назад стало можно произнести это вслух: «мы мусульмане».

Повторюсь: Россия ничего подобного не позволяла, вопрос вероисповедания никогда не решался насильственным путем, а потому и не было на территории нашей страны межнациональных, межконфессиональных раздоров. Они начались также, как и гражданская война, по специальному, вспомним удачное слово, которое подобрал к теме Черчилль – «наущению»....

Большевикам, по сути, удалось вновь собрать бывшее многонациональное имперское государство, заново выстроить все то, что «выронил» на своем пути Февраль 1917 года. Исключение составили только Прибалтика, Финляндия и Польша.

* * *

Предложу читателям внимательно сравнить две цитаты: «Англия в войне употребляла европейские государства как «отличную пехоту», – это было сказано в середине XIX века канцлером Германии Отто фон Бисмарком.

Цитата вторая: «Русские белогвардейцы сражались за наше дело. Эта истина станет неприятно чувствительной с того момента, как белые армии будут уничтожены и большевики установят свое господство на всем протяжении необъятной Российской империи», – так уже в конце второго десятилетия XX века заявил военный министр Англии Уинстон Черчилль.

Складывается ощущение, что подданный британской короны взялся иллюстрировать догадку немецкого канцлера новыми на тот момент времени историческими примерами. Действительно, «добрая старая Англия» жила именно в такой стратегии, будучи, возможно, и убежденной в том, что однажды сформулировал Томас Карлейль: «Обязанность всех континентальных держав вести войны в интересах Англии». Первую мировую войну развязала Англия. Бурное развитие двух стран – России и Германии – перед войной было не в ее интересах. И если в начале Первой мировой войны роль «отличной пехоты» для Англии выполняла Франция, то дальше уже иная пошла «пехота». Разжигание непомерных аппетитов Германии и бесконечно хитроумное и планомерное науськивание ее на Россию превратили немцев в «игрушечных солдатиков» Англии. Но и внутри самой России нашлась «отличная британская пехота» – это Белое движение.

Иной логики в прошедшей истории нет. Любая другая мотивация терпит поражение, как только мы начинаем всерьез задумываться над фактами. Задумаемся: Англия помогает революционерам в царской России и ликует, когда их дело побеждает. Царь свергнут. И буквально через год после этого та же Англия начинает так же рьяно помогать белогвардейцам, которые вслух декларируют (не важно сейчас, что ими движет на самом деле) необходимость возрождения именно царской России. Нет логики? В таком раскладе ее действительно нет. Но она абсолютно четко очерчена в другом: царская Россия или пролетарская – какая угодно –

должна была быть, с точки зрения Англии, разломана на мелкие кусочки, состоять из обрубков, а ломать ее можно было, как мы с вами здесь уже говорили, легче всего изнутри.

Любая государственность – сила, потому, когда это было царское государство, – Англия помогала силам, воюющим против царского самодержавия. А когда к власти пришли большевики во главе с Лениным – та же Англия принялась поддерживать силы, борющиеся против них, потому, прежде всего, что именно от них исходило намерение восстановить государственность. И именно они и были той единственной реальной силой, которая могла и делала это.

По моему глубокому убеждению, в нашей стране не было бы национальной трагедии братоубийственной гражданской войны, так называемой русской смуты, если бы не Англия. Уже к концу 1917 года Черчилль, призвав страны Антанты «задушить большевизм в колыбели», предложил опираться в этом деле на антибольшевистские силы. Российских офицеров царской армии «обрабатывало» английское посольство в Петербурге, а позже – в Вологде, в других российских городах. По сути, англичане и сколачивали белое движение, выстраивали и подстраивали его. По инициативе той же Англии уже 22 декабря 1917 года состоялась конференция в Париже, где представители стран Антанты приняли решение открыть кредиты для антибольшевистских правительств Сибири, Кавказа, Украины, казачьих областей и Финляндии. А на следующий день было заключено англо-французское соглашение о разделе сфер будущих военных действий в России.

Так и возникла ситуация, при которой на деньгах Англии стали жить и подниматься в России Колчак и Деникин, а на деньгах Франции – Врангель, – вот она структура белого движения. «Каждый патрон, выстрелянный русским солдатом в течение этого года в большевиков, сделан в Англии, английскими рабочими, из английского материала, доставленного во Владивосток английскими пароходами», – так говорил про 1919 год английский генерал Альфред Нокс, главный снабженец колчаковской армии.

Вспомним еще раз, что Черчилль в том же году оправдывался в британском парламенте по поводу того, что слишком много уходит из государственного бюджета денег на адмирала Колчака и генерала Деникина. Во вступлении к этой книге уже приводилась сокращенная цитата этих оправданий парламенту, сейчас же настало время дать более расширенный фрагмент: «Я отвечу парламенту с полной откровенностью, – объяснялся Черчилль. – Когда был заключен Брест-Литовский договор, в России были провинции, которые не принимали участия в этом договоре, и они восстали против правительства, его подписавшего... Они образовали армию по нашему наущению и, без сомнения, в значительной степени на наши деньги. Такая наша помощь являлась для нас целесообразной военной политикой, так как если бы мы не организовали этих русских армий, германцы захватили бы ресурсы России и тем ослабили бы нашу блокаду... Таким образом, восточный фронт нами был восстановлен не на Висле, а там, где германцы искали продовольствие. Что же случилось затем? Большевизм хотел силой оружия подавить восставшие против него окраины, сопротивлявшиеся ему по нашему наущению».

* * *

Возвращаясь в день сегодняшний, хочу сказать о нашумевшем фильме «Адмиралъ». Фильм, как известно, посвящен Колчаку. Конечно же, не о художественных особенностях этой картины хотелось бы вести речь, а о тех настроениях романтизации и героизации «господ офицеров», выражением которых этот фильм и явился. Белый миф начал прорываться в сознание советских людей еще в 60-х годах прошлого века, когда на телеэкранах появилось сразу несколько фильмов, в которых воюющие с красными белые офицеры предстали «благородными рыцарями» в белоснежных мундирах с золотыми погонами. В 90-х же очарование «бывшими», которые шли «за Россию до конца», захватило очень многих людей. Это все проис-

ходило от неинформированности, с одной стороны, и от массовой атаки на умы наших сограждан – с другой. Без конца муссировались в прессе и на телевидении темы красного террора и в изобилии, чуть ли не из всех щелей, лились песни о поручиках голицыных и корнетах оболенских, которые «честь имели» и «носили ордена».

Вечные ценности – родина, ее слава и любовь к ней преданных сынов отечества – превратились в довесок к образу белого мифа и были мифом этим как бы приватизированы. Но в такой подаче все причинно-следственные связи перерезаны. О какой же любви к отечеству можно говорить применительно хотя бы опять же к тому же Колчаку, если у него в Сибири бесконтрольно хозяйничали интервенты, если им был обещан золотой запас России? «Не за Россию до конца», а чуть ли не саму Россию до конца готовы были отдать «белоснежные мундиры»: шел фактический раздел страны, 14 государств Антанты уже имели абсолютный доступ к нашим природным богатствам. Только когда золотой запас уже был вычерпан из России, союзники предали адмирала Колчака.

Что же касается темы красного террора, то здесь важно учитывать, что он возник в ответ на террор белый. Деникин расстрелял людей не меньше, чем Тухачевский, и когда мы говорим, что в Крыму расстреляли белых офицеров, не надо забывать, что в период власти Врангеля там же было расстреляно не меньше сторонников красных. А жестокие экзекуции и погромы колчаковцев в Сибири приводили к таким явлениям, когда не выдерживали даже свои: целые соединения переходили на сторону красных. Вспомним, к примеру, переход колчаковского подпоручика Говорова в 1919 году к красногвардейцам в Томске, – известно, что впоследствии этот человек дослужился до статуса советского маршала. Никого не оправдывая в смысле таких явлений как террор, хотел бы только заметить, что это все было в период революции. Логика революций везде одинакова – вспомним Англию в период Кромвеля, вспомним Великую французскую революцию.

Сегодня определенной частью высших эшелонов власти специально инициируется идеологическая кампания критики советского прошлого. Но критика, когда она объективно аргументирована, – полезна и целительна. На деле же мы видим сплошное очернительство, злобную антисоветскую пропаганду. Почему в качестве примера к теме я выбрал именно фильм «Адмирал»? В нем, как в примере к сказанному, как будто специально сошлось все. Белые в фильме – все сплошь святые, красные, если и появляются – то это даже чисто внешне сплошь вырождающиеся пороки человеческого, пьянь голодная со звериными инстинктами...

Непонятно, правда, как этот адмирал, которому присвоили звание Верховного главнокомандующего России, при финансах и полном вооружении Англии, да и всей Антантой поддержанный, с армией в 400 тысяч «офицеров последней выточки» такому сброду в итоге проиграл? В фильме на этот вопрос нет ответа, а он ведь прост: большевики не могли бы выиграть гражданскую войну, если бы их в этой войне не поддержал народ. Да и у власти они бы без этой поддержки не удержались. Почему же эта поддержка была? Да потому, прежде всего, что именно большевики прекратили насильственную мобилизацию и это они остановили массовые порки голодных крестьян. Потому, что нет для народа ничего страшнее, чем «заклятие хаоса», а большевики государственность восстанавливали, наводили порядок. Потому еще, что со своим народом они говорили на одном языке...

Почему обсуждаемая картина в определенном смысле вещь знаковая? Дело в том, что сегодня вряд ли какой-либо начитанный человек сможет спорить с тем фактом, что адмирал Колчак был прямым ставленником Запада, невозможно отвернуться от большого количества фактов, из которых в этой главе приведена лишь толика. Так вот и фильм, героизирующий белых, уже в новом веке создавался опять же на деньги Запада. Никто и не скрывает этого: в титрах идет заставка известнейшей голливудской киностудии «XX век Фокс». Ничего, казалось бы, страшного, пустячок, всего-навсего художественный фильм. Но как человек, долгие годы возглавлявший оборону СССР в холодной, или, как ее еще называют, в психологи-

ческой войне, – вижу другое. Сеется из-за рубежа смута в головах россиян, и чтобы не быть голословным, назову такое слово: «Лиоте». Сделаем узелок на память, запомним это слово, а далее, когда тема коснется середины прошедшего века, вернемся к этой теме.

* * *

А теперь давайте рассмотрим «реперные точки» нашей истории с несколько необычного ракурса.

Нет сегодня на земле человека, которого не беспокоила бы тема мирового финансового кризиса. Аналитики, экономисты, политики и банкиры говорят нам о трюках, образовавшихся в банковских системах, аварийных ситуациях на биржах, об экономическом коллапсе... Весь этот трагический процесс, напрямую задевающий, а подчас и разбивающий судьбы людей во всем мире, сопровождается массовым поворотом к тому, что когда-то было растоптано и предано осмеянию. В Англии, к примеру, издается полное собрание сочинений вождя Октябрьской революции Владимира Ильича Ленина. Во Франции собрания сочинений Карла Маркса скупаются, их переиздают заново с взлетевшими чуть ли не втрое тиражами – и снова раскупают на корню – дефицит. А значит, не столько в мировой финансовый кризис попало сегодня человечество – суть явления в гораздо более глубоких вещах. То, что мы с вами наблюдаем сегодня, – это кризис мироустройства.

Почему же именно к Марксу и Ленину обратились сегодня люди, проживающие, как у нас принято говорить, в сверхцивилизованных западных странах? В 2003 году вместе с уважаемыми соавторами Е. Ф. Ивановым, А. Л. Свечниковым, С. П. Чаплинским мы написали книгу «Современный глобальный капитализм» (Издательство «Олма-Пресс»). Мы там достаточно подробно исследовали тему и говорили, в частности, о том, что если внимательно приглядеться к течению глобальных общественных событий прошлого века, то в основе можно увидеть фундаментальное основание – стремление человечества отыскать новые формы общежития, позволяющие утвердить справедливость и равенство в народном, обиходном значении этих понятий. Именно в истории нашей страны был уникальный и бесспорный факт, когда вера в достижение этой цели, сама по себе, оказалась могучей силой, изменившей мир. Мы имели в виду факт Октябрьской революции, состоявшейся в 1917 году в России.

Кроме одной-единственной господствующей в мире капиталистической системы, – зародилась и утвердилась другая, пока еще совсем слабая – социалистическая. Новое государство – Союз Советских Социалистических республик – заняло шестую часть суши: Советскому правительству, как я уже говорил, удалось восстановить геополитическое пространство Российской империи. Все народы, за исключением стран Прибалтики, Финляндии и Польши, приняли советскую власть: гибкая система территориальных автономий была поддержана национальными меньшинствами – таким образом сохранилась территориальная целостность страны.

В этом государстве не было, как таковых, понятий безработицы, нищенства, платной медицины и платного образования. Людей учили и лечили за счет государства, им были гарантированы безопасность и социальная защищенность. Да, в ходе строительства этого государства были ошибки, просчеты, были допущены ничем не оправданные факты несправедливости. Но я не устаю повторять во всех своих интервью, статьях и книгах о том, что это был путь первопроходцев. (Особенно подробно об этом в статье, которая так и названа «История первопроходцев», найти ее можно в моей книге «Последние двадцать лет», изданной в 2006 году московским издательством «Русское слово».)

Подчеркну еще раз: впервые в истории человечества учение социализма начало превращаться в практику, совершенно новый общественно-политический и экономический строй на планете Земля. Такое бы не было возможным, если бы народ не поддержал этот строй. Поддержка оказывалась в самых сложных условиях жизни страны, проверялась тяжелыми испы-

таниями. Первым из них явилась война с интервентами, ворвавшимися в Россию с целью подавления власти Советов. Затем развязанная ими гражданская война – не менее жесткое испытание. Но молодая, новая власть устояла. Ее поддержали, в нее поверили народные массы России. В результате создавались условия, открывалась возможность идти дальше, развивать, говоря современным языком, социалистический эксперимент. Как же виделось его развитие? Естественно, что практика социалистического строительства вытекала из теории социализма, руководствовалась теорией Маркса – она служила компасом для первопроходцев.

Воплощал ее в практику вождь революции Ленин. Как же он определял будущее России и что говорил после Октября? Он говорил, что мы обрели самую демократическую передовую власть – советскую. Она должна иметь крепкую экономическую базу. Ее он видел в государственном капитализме. Уже в 1918 году Ленин в статье «О продовольственном налоге» писал, что государственный капитализм был бы шагом вперед для Советской республики. Сочетание советской власти с государственным капитализмом являло три четверти социализма. Это ленинское положение совершенно забыто.

А Ленин об этом четко и во многих выступлениях говорил. В известнейшей своей работе «Очередные задачи советской власти» он главной задачей называет необходимость «учиться торговать». Это и есть рыночная экономика. Ленин считал, что она вполне существует и при социализме.

Ошибочно растиражировано утверждение о том, что нэп был вынужденной политикой. Большевики изначально не отрицали рынка как условия развития экономики. Да, они ликвидировали капиталистическую частную собственность на средства производства, в том числе и собственность иностранных монополий. Они тем самым сняли путы экономической и политической зависимости вторгнувшегося в дореволюционную Россию иностранного капитала. Сняв «ошейник» из займов и долгов царской России, они прекратили превращение страны в полуколонию иностранного империализма. Да, они победили под лозунгом «фабрики – рабочим, земля – крестьянам». Но государственный капитализм был нужен, потому что экономику надо было развивать прежде всего за счет тяжелой промышленности. Без машиностроения, к примеру, экономика не поднимется, а частник поднимать тяжелую промышленность не станет просто по определению: при капитализме он будет делать только то, что даст прибыль минимум через год-два. Вкладывать же деньги в то, что даст прибыль лет через десять, – ему невыгодно. Ленин потому и ориентировался именно на государственный капитализм.

Кстати, благодаря тому, что государство взяло в руки тяжелую промышленность, Рузвельт в свое время вывел из кризиса США. После Второй мировой войны в Великобритании национализировали угольную промышленность и тем, по сути, укрепили страну. Мы же, в России имеем пример приватизации 90-х годов, когда пришел дикий рынок и остановились некогда бывшие мощными и уникальными советские предприятия. К сожалению, эта ситуация сохраняется, по большому счету, до сих пор: посчитайте, сколько лет прошло с начала 90-х годов прошлого века, когда мощь тяжелой промышленности СССР была разрушена, – и так она и не восстановилась...

В 20-х же годах ситуация была страшнее: страна находилась в глубочайшем политическом и экономическом кризисе, заводы и фабрики лежали в руинах, свирепствовал голод и лютовали многочисленные банды, еще шла гражданская война. И в такое время большевистское правительство под руководством Ленина принимает и начинает осуществление грандиозного проекта – Плана ГОЭЛРО. Уже через 15 лет – к 1935 году – было построено 40 электростанций вместо запланированных 30.

* * *

Даже только на одном этом примере можно видеть, что никакой титанический труд не привел бы в итоге к тем результатам, к каким пришел СССР, если бы в основу не был заложен четкий расчет и правильная организация дела изначально. Как это было возможно сделать в стране, где подавляющее большинство населения было безграмотным? Обратимся к ленинской брошюре «Успехи и трудности советской власти»: «Нужно взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем. А эта наука, техника, искусство – в руках специалистов и в их головах». Ленин не устал подчеркивать, что в некультурной стране социализм построить нельзя, что он «останется мертвой буквой и пустой фразой» без «соединения победоносной социалистической революции с буржуазной культурой». Он был категорически против разговоров о том, что существует отдельная, особая пролетарская культура, вне всеобщей цивилизации. И ставил задачи: длительной культурной революции, всеобщей грамотности, личной вовлеченности каждого в строительство новой системы мироустройства – социализма.

Известные слова «о каждой кухарке», которую якобы большевики пустили руководить страной, происходят в мифологизированном нашем сознании опять же от незнания контекста происшедшего. Если же следовать принципам объективного историзма, то нужно здесь непременно вспомнить дореволюционную дискриминацию граждан по сословному признаку, селекцию школьников, которую проводил царь Николай II. «Кухаркины дети» не имели ни малейшего шанса получить образование, так как доступ в «классические» гимназии был резко ограничен. В университет же поступить могли как раз выпускники таких гимназий – в основном это были дети представителей высших сословий. Даже выпускников реальных училищ царь запрещал принимать в вузы, что же касалось крестьян, то здесь на возможности образования для них изначально был поставлен жирный крест. Если же они каким-то образом все же получали образование – у них изымалась наделная земля и их исключали из общины.

Вот этой дискриминации граждан по сословному признаку Ленин своим решением о необходимости обучения всех трудящихся государственному управлению положил конец. При этом он заявлял: «Мы не утописты и, конечно, прекрасно понимаем, что с сегодня на завтра каждая кухарка управлять государством не сможет», но подчеркивал, что важно стремиться к тому, чтобы каждый гражданин общества понимал политику своей страны. Для этого нужна всеобщая грамотность, так как, говорил он, «безграмотный человек стоит вне политики». Он считал серьезной угрозой для всего строительства социализма плохую организацию культурной работы, считал, что именно на этой почве вызревают такие уродливые явления, как бюрократизм, взяточничество, национализм, – все то, что тормозит развитие общества.

Звучит, согласитесь, актуально, но ведь мало кому сегодня в России придет в голову обратиться, вслед за европейцами, к трудам Ленина. «Нет пророка в своем отечестве» – к Ленину это мудрое изречение подходит очень точно. Тому много причин – уже после смерти Сталина к учению Ленина подходили как к догме, а его жизнь превратили в житие святого. Далее, уже в годы перестройки 90-х, все перевернули с точностью до наоборот – глумливо и ернически подвергали ленинские статьи осмеянию, а сам же его образ представал не иначе, как образ кровавого монстра. Он же был только человеком, который имел смелость попытаться претворить в жизнь многовековую мечту человечества, стал первопроходцем в строительстве такой модели жизнеустройства, которая была бы удобна всем, – строилось общество равных возможностей.

Ленин имел удивительный дар прозорливости – прошел без малого век со дня его смерти, а многое из того, что он говорил в начале прошлого века, сегодня сбывается. Достаточно вспом-

нить ленинскую формулу о «борьбе держав за раздел и передел мира» и увидеть иллюстрацию в моменте расставания России с Советским Союзом, то есть вернуться еще раз мыслями к трагическим 90-м годам. А можно снова заглянуть в 20-е годы, когда страна социализма вдохновила и подняла рабочий класс многих стран мира на революции и опьяненные победой советские коммунисты гордились тем, что «мы вот-вот совершим мировую революцию». Тогда Ленин сказал, что надо взвесить очень многое, и прежде всего – не зазнаваться. Мол, мы считаем, что уже никогда не будем в каком-нибудь арьергарде, но не исключено, что центр тяжести коммунистического движения переместится в Индию или в Китай, и мы должны быть готовы это пережить. Не пережили! Как только центр стал перемещаться, Хрущев порвал все отношения с Китаем – в 1956 году. Но важно то, что Ленин действительно мог предвидеть: Китай сейчас идет социалистическим курсом, и в основе его успешного развития – ленинская формула о народной власти и государственном капитализме. Последние решения съезда компартии Китая напоминают о том, что государственный капитализм при народной власти есть две трети социализма. По моему убеждению, разговор о том, что социализм ликвидирован, что он больше не имеет под собой основы, беспочвенен. Социалистический строй рано или поздно все равно будет развиваться. То, что делает Китай, – это путь социализма, основанный на ленинских, марксистских принципах. Китайцы от марксизма никогда не отказывались, для того чтобы в этом убедиться, достаточно почитать Дэн Сяопина. Китай внимательно изучает опыт СССР, аккуратно относится к нашему социалистическому прошлому, не подвергая его никакой критике. Но и ошибок наших не повторяет.

* * *

Хотелось бы задаться еще раз вопросом: почему в сегодняшнем кризисе мироустройства европейцы переиздают труды Ленина и Маркса? Природа кризиса напоминает ту, что была на земле в годы Первой мировой войны: с одной стороны – накопление гигантской массы богатств в европейских странах (а сегодня – прежде всего в США), с другой – гигантский разрыв, не только имущественный, но и культурный, между верхами и низами. Разница в том, что в процессе противостояния социалистической системе капиталистический мир спланировался, а после ухода из Европы социалистической системы мир свалился в глобальный капитализм. Промышленный капитал, не сойдя со сцены, уступил власть капиталу финансовому. По сути, глобальный капитализм есть капитализм финансовых олигархов, их путь к мировому господству, по существу, возрождает мировую колониальную систему, а соответственно усиливает противоречие не между трудом и капиталом (как при рождении капитализма), а между нищетой и богатством. Это означает, что практически всеми ресурсами, средствами производства и финансами владеет еще меньшая часть населения планеты, чем это было в мире капитализма во времена СССР.

...Как-то, во времена особо жестокого обращения с советским прошлым, когда даже нейтральное произнесение имени Ленина считалось в нашей стране дурным тоном, я выступал перед учеными мужами на одной конференции. Привел к месту цитату из ленинской работы «Империализм как высшая стадия капитализма». И все зааплодировали, сказали: «Как здорово и точно сформулировано». «Тогда сейчас скажу, чья это цитата, – пообещал я и тут же выполнил обещанное: – Это в 1916 году было сказано Лениным». Ленин писал, что империализм как высшая стадия капитализма будет развиваться так, что власть в нем возьмет финансовый капитал. Он уберет промышленников с основных ролей на роли второстепенные, и сам займет их места... Жизнь нам дает подтверждения – стоит только задуматься.

На память приходит то, что мировую колониальную систему промышленного капитализма сломало появление на мировой сцене социалистического пути развития человечества. Под его влиянием поднялось и развилось национально-освободительное движение, приведшее

к окончательному краху колониальной системы во главе с ведущими капиталистическими державами мира.

Может быть, социализм, выйдя вновь на мировую сцену, станет основной силой борьбы с овладением миром финансовой олигархией. Ведь нежелающих нищенской кабалы в мире немало...

Напомним, что Октябрь 1917 года вызвал в свое время подъем революционного движения во многих странах мира. Реальность подтверждала тезис учения Маркса о том, что пролетарская революция, возникнув в одной стране, неизбежно поднимет на борьбу с буржуазией весь мировой пролетариат. В 1917 году действовал еще фактор Первой мировой войны: прежде всего именно в воюющих странах вызревали революционные ситуации. Народы мира устали от войны и они видели, что большевики в России пришли к власти именно с призывами к прекращению массовой бойни, провозгласив «мир народам».

Вспомним, что продолжения войны в то время требовала больше всех Англия. Но и в России Временное правительство пошло на сговор с союзниками и заявило о том, что страна будет продолжать войну до победного конца. Это и открыло путь большевикам к власти. Их наглядный пример привел к революционному взрыву в государствах, особенно сильно пострадавших от войны. Вот небольшой фрагмент хроники этих событий: в октябре 1918 года произошла буржуазно-демократическая революция в Венгрии, а уже 21 марта 1919 года была провозглашена Венгерская Советская республика. Но просуществовала она недолго, была подавлена силами иностранных интервентов в июле того же года. Могучий подъем революционных сил под влиянием Октября произошел в Германии. В январе 1918 года по всей стране прошла политическая стачка с требованием прекращения мировой войны и немедленного заключения мира с Советской Россией. Дальше события развивались так: 3 ноября 1918 года вспыхнуло восстание моряков военного флота в Киле – это и послужило началом буржуазно-демократической революции. Уже 9 ноября началась всеобщая забастовка рабочих Берлина, к которой присоединились солдаты. В тот же день была свергнута монархия Гогенцоллернов. К власти пришли правые социалисты и лидеры «Независимой социал-демократической партии», их первые движения были направлены на подавление революционных явлений. Они действовали провокационно: в январе 1919 года сами организовали выступление рабочих Берлина – неподготовленное и преждевременное. Разгромили это выступление с особой жестокостью, именно тогда и были зверски убиты руководители КППГ К. Либкнехт и Р. Люксембург. Немецкие республики, провозглашенные советскими, существовали недолго: в Бремене с 10 января по 3 февраля, а в Баварии с 13 апреля по 1 мая. Их жестоко разгромили с помощью вооруженных сил. Та же участь постигла октябрьское восстание, вспыхнувшее в Гамбурге. К 1923 году пролетарская революция в Германии была окончательно подавлена.

Новые факты образовывали новую реальность: выяснилось, что время для мировой революции еще не наступило, капитализм слишком силен. Мировая война, служившая в свое время мощным импульсом к борьбе с буржуазией пролетариев всех стран, теперь сказывалась иначе: страны, пережившие ее, ослабли. Особенно тяжело было Советской России, выдержавшей еще и войну гражданскую. Сил для оказания помощи антибуржуазным восстаниям соседних стран у молодого государства не было. Здесь очень важно понимание сути событий: да, в мире действительно нарастал революционный процесс и все ожидали, что вот-вот грянет мировая социалистическая революция. Вспомним строки из поэмы Александра Блока: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем...».

* * *

Но наступил момент, когда революционный пыл в мире стал затухать. И вот на этом этапе перед большевиками России встал главный вопрос: «Куда и как идти дальше? Что делать в

России и с Россией?» Выбор пути привел к расколу в партии большевиков. Сталин и большинство в Центральном Комитете ВКП(б) реально оценивали перспективы «мировой революции». Они хотели ее победы, но понимали, что для ее осуществления нет условий, нет на данный момент даже предпосылок. Россия должна была взять на себя роль спички и сгореть дотла, для поддержания огня мировой революции, – такой участи трезвомыслящие политики допустить не могли. Тогда и появилось решение, как выход из ситуации: был поставлен вопрос о возможности построения социализма в отдельно взятой стране. Троцкий и его сподвижники усмотрели в этом отказ от марксизма, увидели даже предательство дела революции. Полагаю, такой раскол в партии большевиков был вызван в известной мере еще и болезнью и уходом из жизни Владимира Ильича Ленина. Не развитие государства, а борьба за власть подогревала оппонентов Сталина, потому что логика жертвовать Россией ради мировой революции была ничем не оправдана, ничего позитивного для страны не сулила.

И все-таки в основе раскола партии большевиков назывался вопрос дальнейшего развития государства. Один путь: жертвовать Россией ради мировой революции, подчинить этому делу все ресурсы России. Второй: построение социализма в отдельно взятой стране. Для этой цели нужно было сначала отвести беду: слабое, обнищавшее государство легко могло стать добычей для ненавидящих ее новый строй капиталистических держав. Надо было сохранить и обеспечить государственную самостоятельность, а для этого – в кратчайшие сроки преобразовать экономику страны, подготовить ее к неизбежным испытаниям. При этом не идти на сговор с мировой буржуазией, а привлекать к строительству социализма симпатии мирового пролетариата в мирных целях.

Повторюсь, эти два пути и есть основа раскола в партии большевиков. После смерти Ленина Троцкий и ряд других социалистов не могли согласиться с укреплением роли Сталина в руководстве партии, а именно он был инициатором второго пути. А потому и сам этот путь не подходил троцкистам: они боролись со Сталиным и для этой цели готовы были жертвовать страной. Сталин же понимал, что возможность построения социализма в отдельно взятой стране есть в известной степени отход от учения Маркса и Ленина о мировой революции. Но и Маркс, и Ленин всегда говорили о том, что теория не есть догма, практика же диктовала именно такую необходимость. Уже в последний год жизни Ленина, а после его смерти особенно явно было видно, что готовится военный марш на Советское государство. Международная обстановка требовала постоянной мобилизационной готовности защищать, если не спасать страну. Угроза вооруженного вмешательства в ее жизнь никак не устранялась. И ставка на мятежи внутри страны не снималась с повестки дня – они постоянно подстрекались зарубежными антисоветскими центрами. Надо было решать вопрос: или мы будем защищаться, или потеряем свою самостоятельность. Надо было решать: или мы прекращаем развивать социалистическое государство, идем на поклон к Западу, получаем иностранные инвестиции, но одновременно и зависимость от иностранного капитала, или всесторонне укрепляем и развиваем это государство, закрепляем то, чего добились в октябре 1917 года: строим социализм в одной стране.

Второй вариант, по которому и пошло развитие страны, не вызвал восторга у государств, предрекавших гибель социалистического государства с первых дней его образования. Ярость в мире капитала усилилась, когда клич английских рабочих «Руки прочь от России!» подхватили народы других стран. Конечно, враги социалистического строя смириться с этим не могли, наша страна оказалась в политической и экономической изоляции. Нам ничего не давали в кредит и ничего не продавали за наличные: решили выждать, пока мы задохнемся сами. Страна находилась в тисках экономической и дипломатической блокады. У нас не было ни экономической, ни финансовой – никакой и ниоткуда поддержки. Мы опирались только на то, что у нас есть, а что у нас было? Руины...

Отсюда пошла жестокая экономическая политика – надо было укреплять государство, а это требовало неимоверной мобилизации внутренних ресурсов, вынуждало к насилию над экономикой, над объективными законами экономического развития. Укрепление государства требовало серьезного развития экономики, и прежде всего тяжелой промышленности. Индустриализация «требует колоссальных вложений, причем, как показывает история отсталых в промышленном отношении стран, тяжелая индустрия не обходится без колоссальных долгосрочных займов... Без развития тяжелой промышленности мы не можем построить никакой промышленности, не можем провести никакой индустриализации, – писал в одной из своих статей Сталин. – А так как мы не имели и не имеем ни долгосрочных займов, ни сколько-нибудь длительных кредитов, то острота проблемы становится для нас более чем очевидной. Из этого именно и исходят капиталисты всех стран, когда они отказывают нам в займах и кредитах, полагая, что мы не справимся своими собственными силами с проблемой накопления, сорвемся на вопросе о реконструкции тяжелой промышленности и вынуждены будем пойти к ним на поклон, в кабалу...».

* * *

Политика нэпа в такой ситуации уже не могла быть эффективной – крупную промышленность с ее помощью не построишь. Единственным источником средств для индустриализации было сельское хозяйство. Обстановка на селе после революции сложилась нелегкая. Раздел земли помещиков и иных крупных собственников обогатил землей крестьян, но осложнилась возможность обработки полученных в собственность десятин этой земли. У подавляющей массы не было самых элементарных орудий сельскохозяйственного труда, тягловых сил – плуга, бороны, лошадей.

Новоиспеченным владельцам земли приходилось обрабатывать свои участки вручную. Это привело к снижению урожайности, к резкому упадку производимого зерна. Так возникал питательный бульон для роста на селе кулачества: лишенные орудий труда крестьяне за бесценок продавали или сдавали в аренду свои десятины, кулаки же использовали обездоленных людей в обработке пахоты. Так возрождался принцип работы крестьян на помещичьих усадьбах. Своим трудом крестьяне заменяли нехватку техники и рабочего скота.

Для критиков советского периода, кстати, одним из самых веских аргументов служила тема о том, что дореволюционная Россия обеспечивала хлебом мировые державы. Мол, так его было много, что сбыт за границу помогал спасать излишки от гибели, а большевистская власть повернула развитие процветающей и благополучной страны вспять. Но если вспомнить правду истории, излишки хлеба были у помещиков, а подавляющая часть крестьян тем временем голодала, и лучше всех об этом рассказал великий писатель Лев Николаевич Толстой. Давайте вспомним его статью «О голоде», он ее написал, посетив черноземные уезды Тульской области: «Употребляемый почти всеми хлеб с лебедой – с 1/3 и у некоторых с 1/2 лебеды – хлеб черный, чернильной черноты, тяжелый и горький; хлеб этот едят все, – и дети, и беременные, и кормящие женщины, и больные... Чем дальше в глубь Богородицкого уезда и ближе к Ефремовскому, тем положение хуже и хуже... Хлеб почти у всех с лебедой. Лебеда здесь невызревшая, зеленая. Того белого ядрышка, которое обыкновенно бывает в ней, нет совсем, и потому она несъедобна. Хлеб с лебедой нельзя есть один. Если наестся натошак одного хлеба, то вырвет. От кваса же, сделанного на муке с лебедой, люди шалеют. Здесь бедные дворы доедали уже последнее в сентябре...».

Вспомним его же слова: «Народ голоден оттого, что мы слишком сыты». Так вот, экспортировали в дореволюционной России хлеб, который возделывали для помещиков полуголодные крестьяне. Собственных запасов им хватало, в лучшем случае, до февраля. А затем они шли в долговую кабалу к тем же помещикам и зажиточным соседям – к кулакам.

И такой же принцип начал действовать на селе и после революции. Вместе с тем для укрепления государства, для роста промышленного производства и подъема земледелия нужны были деньги. Для этого было два пути: разрешить обогащаться кулакам за счет забора земли у единоличников. Но это было бы против справедливости и означало, что и в Советской стране существует класс угнетенных. И второй путь: земельная кооперация, которая позже сменилась коллективизацией. Коллективные хозяйства позволяли внедрять технику, спланировать крестьянский труд, тем самым повышая уровень обработки земли. Но кулачество препятствовало такой государственной политике, что и привело к непоправимым последствиям. Это были тяжелые годы. Было много ничем не оправданных жертв. Но их было бы больше на порядок, если бы не удалось выжать все внутренние средства, чтобы создать тяжелую промышленность. Народа бы не стало вообще как такового в 1941 году.

* * *

Но по порядку: после прихода к власти национал-социалистов в Германии угроза войны стала еще более реальной, чем прежде. Выступая 4 февраля 1931 года, Сталин сказал свои знаменитые слова: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут». Это был абсолютно точный реалистический прогноз: если бы именно через десять лет, к февралю 1941 года, оборонная промышленность СССР не вышла на уровень передовых стран, вряд ли наша страна смогла бы устоять через несколько месяцев под натиском гитлеровской Германии. Советских людей просто истребили бы, или превратили в рабов немецких «сверхчеловеков».

Фашизм вскармливался Западом, прежде всего Великобританией и США. Он служил для них силой, направленной против Советского Союза. И то, что война с Германией неизбежна, сознавали даже мы, довоенные дети. Но кроме угрозы с запада зрела агрессия и на востоке. К концу 30-х годов Япония уже развязывала вооруженные конфликты, были бои на озере Хасан в 1938 году, а через год – военные действия на реке Халхин-Гол в Монголии. Антикоминтерновский пакт, подписанный Германией, Японией и Италией в те годы, создал ось Рим-Берлин-Токио, нескрываясь направленную против СССР. В этих условиях защита отечества становилась первоочередной – общество спланивалось, мобилизовывалось на ударный созидательный труд. А это означало подчинение, прежде всего экономики, развитию промышленности, способной обеспечить производство средств обороны, создать сильную армию, оснащенную современным оружием.

Оборонеспособность требовала жертв, отказа от планомерного развития экономики. Все это не давало социалистическому эксперименту никаких условий, кроме жизни в постоянной мобилизационной готовности. Народ верил в дело, которому отдавал силы, доверял власти и не сомневался в правильности избранного пути. Это показывали в своих трудах даже зарубежные писатели. В 1931 году Теодор Драйзер в книге «Трагическая Америка» писал о том, какое впечатление произвели на американских рабочих успехи советского народа, достижения социалистического государства. Он называл Советский Союз «радостной страной подвигов», «подлинно социальной страной, где духовная жизнь прогрессирует» и где создано неведомое капиталистическому строю драгоценное «чувство национального товарищества».

Многие выдающиеся прогрессивные зарубежные писатели в 30-х годах посетили СССР. Среди них были Барбюс, Арагон, Нексе, Бехер, Фейхтвангер, Роллан, многие другие. Внимательно ознакомился с жизнью СССР Б. Шоу, он резко осудил «слепую безрассудную кампанию с целью дискредитации СССР», проводимую реакционной прессой. Он обратился к своим соотечественникам с призывом «поддержать те течения, которые требуют политики мира, установления торговых отношений, прочной дружбы и понимания великой рабочей республики». С глубоким уважением и сочувствием писал Шоу о мирной созидательной деятель-

ности советских людей; книги «Сталин» А. Барбюса и «Два мира» М. Нексе также рассказывали об исторических трудовых подвигах народов СССР. Ю. Фучик, назвавший свою книгу об СССР: «В стране, где наше завтра стало уже вчерашним днем», в предисловии к ней говорил: «Не о рае, а о Советском Союзе написана эта книга, не о чудесах, а о вас, советские рабочие, которых я видел на лесах величественного здания нового общества. О вас, о людях, которые выполняют пятилетку... Я видел план великих работ в ваших руках».

Рукотворное чудо свершилось: уже к 1936 году производительность труда в промышленности превысила уровень царской России более чем в 2,5 раза по годовой выработке и более чем в 3,5 раза – по часовой. По уровню промышленного производства СССР вышел на первое место в Европе и на второе в мире.

* * *

Переоценить внешнюю угрозу, которая нависала над СССР в 30-е годы, невозможно. Достаточно обратиться к произведению Гитлера «Майн кампф», которое, с ростом популярности автора в Германии, становилось по тиражам вровень с Библией. В русском переводе эта книга появилась до начала Великой Отечественной войны и распространялась строго между партийными работниками – для изучения. Достаточно четко там было указано направление, в котором нужно было расширять жизненное пространство для Германии: «Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке... Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены».

Общеизвестно, что внутри Германии книга Гитлера служила руководством к действию и действия не заставили себя долго ждать: уже в начале 1934 года 240 предприятий были переориентированы на производство военной продукции. Версальские ограничения, сдерживавшие Гитлера, были отброшены с подачи британского министра иностранных дел сэра Джона Саймона, который в мае 1934 года предложил применить принцип равенства вооружений к Германии. Даже сам фюрер не сразу решился официально демонтировать Версальскую систему. Он взялся за это спустя год: 16 марта 1935 года было объявлено о создании в Германии тридцати шести дивизий, в которых служили полмиллиона человек. 5 ноября 1937 года на заседании на Вильгельмштрассе Гитлер откровеннейшим образом раскрыл свои милитаристские планы, заявив, что «85 миллионов немцев скучены на узком пространстве, страдая более чем какой-либо другой народ... Немцы имеют право жить на большем жизненном пространстве, чем другие народы... Будущее Германии полностью зависит от разрешения проблемы ее жизненного пространства... Экспансия может осуществляться лишь путем борьбы с окружающим миром и при условии готовности к риску... Проблема Германии может быть решена лишь обращением к оружию, а это всегда сопровождается наличием риска».

Не видеть германскую угрозу было нельзя, но Англия и Франция упорно пытаются разыграть немецкую карту против СССР. Вершиной этой политики становится Мюнхенский сговор 1938 года. Это азбучные сведения: 29 сентября 1938 года в Мюнхене собрались главы четырех крупных европейских государств: премьер-министр Англии Невилл Чемберлен, премьер-министр Франции Эдуард Даладье, канцлер Германии Адольф Гитлер, ну и от Италии, конечно же, дуче Бенито Муссолини. И приняли решение, которое, если вещи называть своими именами, было разрешением на расчленение Чехословакии. Каждый из этих первых лиц в своих странах провел мощнейшую пропагандистскую атаку на умы своих сограждан, внушая, что без этой жертвы – Чехословакии – может начаться Вторая мировая война. Поэтому их

встречали как триумфаторов после Мюнхена – триумфаторы отдали Гитлеру чешскую Судетскую область, а еще ряд территорий этой, по сути, убитой страны поделили между другими государствами. В то время, как, вернувшись из Мюнхена, Чемберлен делал громкие заявления о том, что «отныне мир обеспечен на целые поколения». (Заметим в скобках, что речь эта произносится чуть ли не накануне настоящей войны.) Черчилль, надо отдать ему должное именно в данной ситуации, был прозорливее в оценке Мюнхенского сговора, он говорил: «Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну».

Единственной страной в мире, пожелавшей оказать помощь Чехословакии, был Советский Союз. Еще до Мюнхена, когда гитлеровские войска проводили акцию устрашения у границ Чехословакии, президент этой терроризируемой страны Бенеш обращался к нам и получил положительный ответ. СССР был готов ввести свои войска и занять позиции против Германии в самой Чехословакии, и эти позиции на немецко-чешской границе были очень сильными. Там можно было воевать месяцами – немцы ничего бы не смогли сделать. Но для того чтобы войти советским войскам, нужно было получить разрешение Польши, а эта страна, под давлением Англии, отказалась, а в итоге сама оказалась в руках фашистов. Если бы мы вошли в Чехословакию – события бы развернулись по-иному.

Если бы даже хотя бы после Мюнхена Франция и Англия согласились бы на союз с нами, что им и предлагалось неоднократно, не было бы и «Пакта Молотова – Риббентропа». Но они уклонились от создания антигитлеровской коалиции и делали все для того, чтобы Германия, наконец, напала на СССР. И поэтому советское руководство пошло на заключение в 1939 году договора с Германией – другого выхода нам не оставляли. Именно этот договор отодвинул начало войны для нашей страны и в пространстве, и во времени: война с фашистской Германией могла бы начаться на целых два года раньше и на 400 километров ближе к Москве. Протоколы о разделе Польши дали нам западные территории Украины и Белоруссии, а если бы этого не произошло, немцы войну начали бы под Минском – и когда бы они пришли к Москве? А значит, допустимо говорить о том, что этот договор позволил Красной Армии отстоять столицу нашей родины. Из-за него немецкая военная машина начала бросок все-таки с рубежей, отдаленных от жизненно важных центров СССР.

Этот договор, как я уже говорил, был спасителем для нас – немцам пришлось тратить время и силы, для того чтобы пройти новую нашу территорию. То есть, исходя из логики момента, все было сделано правильно, а вот уже позже, в послевоенное время, извечная наша секретность привела к тяжелым последствиям. Протоколы 1939 года необходимо было публиковать и обсуждать в печати, это можно было сделать хотя бы даже в 60-х годах. Но их засекретили, и особенно тяжело эта таинственность отозвалась в 90-х годах, когда определенные круги в Прибалтике создали истерию по поводу пакта. Это было начало раскола Советского Союза. Для Англии и США Прибалтика изначально виделась как площадка для старта распада страны. Они добились цели, но удивляет, что сами прибалты не унимаются по поводу этого исторического документа до сих пор. «Пактом Молотова – Риббентропа» они размахивают и сегодня, я задаю им в таких случаях традиционный вопрос, и сделал то же самое на той недавней встрече, с которой начинал введение к этой книге, – где обсуждали закон США «О порабощении наций». Литовцы начали свое выступление именно с громких заявлений по поводу пакта... Я сказал им: «Зачем вы так шумите, вы отдайте Вильнюс Польше – это же по договору Молотова – Риббентропа Вильнюс вам вернули... Вернули исконные земли, а не отхватили чужое, но на тот-то момент это же был польский город Вильно. А ваша столица была в Каунасе...»

Не нашли литовцы, что ответить...

* * *

И вновь возвращаюсь к основным точкам» нашей истории, одна из самых главных – Великая Отечественная война.

«Германский народ! В этот момент начинается марш, который по своим масштабам может быть сравнен с величайшими виденными миром. Я решил сегодня вручить судьбу и будущее рейха и нашего народа в руки наших солдат!» – это фрагмент из заявления, с которым от имени Гитлера выступил 22 июня 1941 года Геббельс.

«Сегодня в четыре часа утра без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу и без объявления войны германские войска напали на нашу страну... Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» – это фрагмент из заявления, с которым от имени Сталина выступил 22 июня 1941 года Молотов.

Отношение к этой информации у всех было разное. Общеизвестно, что Гитлер к этому времени практически за шесть недель завоевал Францию, а уж «расово неполноценные славяне», как он заявлял в первые дни войны, будут разбиты еще быстрее. Под канонады германской авиации, чуть ли не в самые первые часы боевых действий разбомбившей десятки советских аэродромов, речи о неминуемом классическом блицкриге мало кому в мире представлялись нереальными. Но такие умонастроения были только за пределами молодой Страны Советов, внутри же – миллионы и миллионы – все, от мала до велика, истово верили в победу...

Позволю себе привести еще несколько фрагментов из жизни моей семьи. В декабре 1941 года мой отец получил назначение Наркомугля в Перми на строительство заводов № 1–2 подземной газификации углей в город Ленинск-Кузнецкий. Здесь же вместе с ним начал трудиться и я. Немецкая оккупация выбросила из родного Донбасса не только нас – сотни тысяч наших земляков нашли защиту и кров в близких по духу местах, там, где жили шахтеры и металлурги. На одной только территории Кемеровской области (бывшей Новосибирской) разместилось 13 эвакуированных заводов из Донецкой области (бывшей Сталинской). Опыт и знания донбассовцев оказались достаточно остро востребованными – война требовала неимоверного подъема производства. Надо было компенсировать потери, вызванные оккупацией промышленных районов Украины и европейской части РСФСР. Это удалось сделать: если, по свидетельству специалистов, валовая продукция промышленности СССР с июня по ноябрь 1941 года из-за военных потерь и процесса эвакуации сотен предприятий уменьшилась в 2,1 раза, то уже начиная с декабря того же года падение прекратилось, а в марте следующего начался подъем производства. Выпуск военной продукции только в восточных районах страны достиг уровня производства, который был в довоенное время на всей территории СССР. Тыл ковал победу наряду с фронтом, совершая великий массовый подвиг. «Все для фронта, все для Победы» – такой настрой был на всей огромной территории страны, – от работы отвлекались только для того, чтобы прослушать из тарелок громкоговорителей неутешительные поначалу сообщения с фронта. И с еще большим упрямством, молча, шли трудиться люди. И работали с удвоенными упорством, стойкостью и волей. Слова из знаменитой песни: «Пусть ярость благородная вскипает, как волна» – отражали общее состояние советского народа, потому что это была для нас действительно священная война – мы защищали Родину. В первые же дни войны массовый порыв создал народное ополчение. Десятки тысяч москвичей жизнью своей сорвали гитлеровский блицкриг, задержав в смоленском и вяземском сражениях в 1941 году моторизованные и вооруженные до зубов немецкие полчища. «Они продолжают сопротивление даже будучи окруженными, я такое наблюдаю впервые, – изумлялся известный немецкий генерал Гальдер, рассказывая о сопротивлении советских войск в битве за Смоленск. – Они стремятся отделить наши механизированные части от пехоты, которая следует за ними». Он был потрясен: «Их сопротивление «фанатичное и зверское».

Тогда, кстати, не существовало заградительных отрядов, о которых так любят говорить сегодня те, кто хочет принизить роль своей собственной страны в великой победе над фашизмом. И никаким тоталитарным режимом, никакими репрессиями невозможно было бы устроить так, чтобы возникал конкурс для тех, кто хотел защищать родину с оружием в руках. Говоря современным языком, это был настоящий кастинг: людей приходилось уговаривать остаться в тылу, и они из-за этого сильно расстраивались. Но если ты шахтер-забойщик – значит нужен шахте, если металлург – на заводе, а они рвались в бой. Это общее было состояние, – говорю сейчас о том, что видел и чувствовал сам, в чем участвовал. В самые тяжелые дни войны, в июле 1942 года, в Сибири возник мощный порыв, образовавший бурный поток формирования частей добровольцев. И это – в момент пика успехов фашистских войск, которые уже практически выходили к Волге. До двух крупнейших побед в битвах под Сталинградом и на Курской дуге, переломивших, как сказал И. В. Сталин, хребет гитлеровской армии и поставивших Германию перед катастрофой, еще было очень и очень далеко. И вот – в это самое критическое время люди горели желанием внести свой вклад в освобождение родины от захватчиков, отлично понимая, что рискуют жизнью. Мне до сих пор помнится песня, звучавшая буквально повсюду:

...По Сибири, по таежной шири
Раздался наш клич боевой,
Мощь сибирская, сила богатырская
Поднялась на решительный бой.
Сибиряк своей родине верен.
В бой вступая и в зной, и в пургу,
Он идет на фашистского зверя,
Как на зверя ходили в тайгу...

* * *

Отец мой ушел на фронт добровольцем – рядовым бронебойщиком. Через несколько месяцев и я последовал за ним. Заявления подавались везде – на предприятиях, в шахтах, в колхозах – лавиной. Были созданы комиссии по отбору – у нас в городе его руководил один из секретарей горкома партии, он принимал решения вместе с военкомом и представителями комсомола. Шел отбор по принципу: чем ты занят сейчас? Многих приходилось упрашивать забрать свое заявление назад. Месяц комиссия заседала, потом военком клал на стол свое заявление, секретарь парторганизации и комсомола – свои, и комиссия уезжала на фронт вместе со всеми, прошедшими «кастинг».

Мне было 16 лет, и я был секретарем горкома комсомола ВЛКСМ города Ленинск-Кузнецкий – это вполне была обыденная ситуация во время войны. Когда первая группа уехала, я вошел в эту комиссию и поступил так же, как и мой предшественник, Николай Туров. С ним через год примерно мне случилось увидеться уже на фронте, где-то в районе Великих Лук...

Конечно же, не только из нашего города шли добровольцы – процесс захватил всю Сибирь: Новосибирск, Кемерово, Алтай, Омск, Красноярск, Томск – так возник 6-й сталинский стрелковый корпус добровольцев-сибиряков, окончивший войну 19-м гвардейским. Части добровольцев формировались и на Урале и в Забайкалье, и во многих других регионах страны. Подчеркиваю – добровольцев, не тех, кого специально призвали на фронт, а тех, кто по доброй воле шел сам, веря в победу и готовый отдать за эту победу жизнь. Многонациональная страна защищала свою родину – страну как родину ощущали все нации и народности,

ее населявшие. Без такого единения, без сплочения народа ради победы мы бы этой победы не достигли...

У нас, добровольцев-сибиряков, было хорошее вооружение: дали автоматы, которые делались на сибирских заводах, – их вручили перед выездом на фронт. Было и минометное вооружение – вплоть до ротных минометов, которых тогда было мало. Провожали тепло, когда проезжали Москву, с активом встретился Ворошилов, а перед комсомольцами выступил первый секретарь ЦК комсомола Михайлов. Объяснение этому простое – у нас был абсолютно добровольческий корпус, и он носил имя Сталина. К тому же это было очень тяжелое время, поговаривали, что наш корпус готовят к Сталинграду, но его бросили на Калининский фронт. Наступление под городом Белым служило для сковывания сил противника, чтобы они не ушли под Сталинград. К тому же нужно было ликвидировать Ржевский выступ, остававшийся после 1941 года и продолжавший угрожать Москве. За эти бои я получил свою первую в жизни боевую награду – медаль «За отвагу».

Вскоре во время боя за станцию Павлиново получил я и первое свое ранение – пулей ранило руку. Лечился в медсанбате, и здесь случилось чудо – меня разыскал отец. Оказалось, что он служит в соседней дивизии помощником начальника штаба полка. Услышал о моем ранении и, конечно же, разыскал. Дальше мы с ним уже воевали вместе под местечком Ленино, в Белоруссии, вместе с прибывшей на фронт польской дивизией имени Тадеуша Костюшко. Немецкая авиация готовила для нее специальный удар, досталось и нам. За бои под местечком Ленино я был награжден второй медалью «За отвагу», а вскоре, в боях под Оршей, около меня разорвалась мина. Тело изрешетило более 40 осколков, пробили плевру легких. 32 из них до сих пор во мне... За эти же бои был награжден только что учрежденным солдатским орденом Славы третьей степени. Мне повезло: в Москве на Белорусском вокзале санитарный поезд обходила бригада врачей знаменитого хирурга академика Брайцева, они отбирали тяжело раненных по своему профилю и отправляли в клинику. Всю жизнь вспоминаю с благодарностью замечательных врачей Центральной клинической больницы имени Семашко Наркомата путей сообщения, где пролежал восемь месяцев и где меня подняли на ноги.

Вернулся на фронт, догнал полк отца под городом Новоржевом. 13 июля 1944 года наш полк снялся с обороны и маршевой колонной пошел вперед во втором эшелоне наступающих – это был солнечный день. Мы находились уже близ деревни Большие Гривны, места там красивые, напротив – Пушкинские Горы.

– Вот закончить бы побыстрее войну и поселиться здесь, – сказал отец.

Остро почувствовалось, как устал он, казалось, его преследуют какие-то мрачные мысли, может быть, предчувствия. Спустя два часа полк наткнулся на немецкую засаду. Я был от отца метрах в двухстах, когда из-за леса вынырнул «мессершмитт».

– Берегись, сейчас ударит! – крикнул мне отец.

И действительно, «мессершмитт» развернулся и сбросил бомбу. На месте, где только что находился отец, была глубокая воронка, раненые лошади, тела убитых. Отца нашел в кювете, он был тяжело ранен. Мы доставили его в медсанбат, и там я с ним простился.

– Догоняй полк, – сказал отец на прощание. А утром его не стало, он погиб от гангрены...

Потом были бои за Ригу – ни одного дома в этом городе мы не повредили. Мы вошли 13 октября 1944 года, вышли на набережную Даугавы, перед нами открылись здания Домского собора и других старинных домов, башен. С крыш пулеметчики вели по нам огонь. Мы вытащили свою полковую артиллерию, но только-только выстроили пушки, как прибежал ординарец, привез от командования приказ, запрещающий стрелять по старой Риге. И когда сюда через дня три-четыре входили уже основные наши войска – они не могли идти никак иначе, как только по цветам, – вот так приветствовали нас горожане, собравшиеся в огромном количестве. Они-то и бросали цветы освободителям – это уже в 90-х годах пошли громкие разговоры о том, что немецкую оккупацию сменила «советская оккупация»... А тогда рижане бро-

сали цветы советским воинам, и этого никто специально организовать не мог, это был порыв, настоящие чувства.

Вообще опорочить такую твердыню, как победа советского народа в Великой Отечественной войне, пытались с самых разных сторон – чего мы только не наслушались, особенно в последние 20 лет! И это при том, что мы до сих пор живем в обществе, которое пользуется накоплениями прошлого, заслугами тех, кто победил в октябре семнадцатого и в мае сорок пятого, кто трудом своим залечил раны войны, вывел страну в мировые лидеры!

* * *

В продолжение темы о попытках любыми способами опорочить нашу великую Победу и о борьбе с фальсификаторами истории хочется рассказать о замечательной книге Н. Н. Яковлева «Власов и власовцы». В нашем обществе прочно утвердилось мнение, будто в минувшую эпоху горькая участь «работать в стол» подстерегала лишь тех, кто так или иначе вставал в оппозицию к тогдашней власти. Между тем бывали случаи и совершенно иного, я бы даже сказал, в некотором роде противоположного свойства. В опале иногда оказывались и те рукописи, которые, казалось бы, не противоречили идеологическим основам, но зато ставили своей целью на базе строгих фактов восстановить историческую истину, чтобы – соответственно этой абсолютной фактологической истине – воздать должное несправедно опороченным и незаслуженно восхваляемым.

На первый взгляд есть некая парадоксальность в том, что это важное уточнение наших представлений о некоторых особенностях советской эпохи приходится делать человеку, несколько десятилетий работавшему в системе госбезопасности, которая, по общему мнению, и занималась надзором за идеологической стерильностью. Но в своей книге «КГБ и власть» я уже писал о весьма непростых взаимоотношениях, сложившихся в так называемый андроповский период между Старой площадью и Лубянкой. Не все в них было так однозначно, как полагают некоторые. Именно в этой связи особый, возможно даже исключительный, интерес и представляет судьба рукописи, судьба исторического эссе Н. Н. Яковлева «Власов и власовцы». Так уж получилось, что волею обстоятельств я имел самое непосредственное отношение к созданию этой неординарной книги и потому могу по сути и, как говорится, по фабуле – поведать о ее необычной судьбе.

Николай Николаевич Яковлев был одним из крупнейших советских и российских историков, человеком ярким и вдобавок наделенным незаурядным литературным даром. Его перу принадлежит немало книг, не только получивших признание читателей, но и вызвавших широкий общественный резонанс. Это вообще была очень крупная личность, и я благодарен судьбе за то, что она достаточно близко свела меня с этим необычайно эрудированным, интересным человеком, который живо откликался на самые сложные, а порой и неблагоприятные, совсем не конъюнктурные, спорные темы.

Собственно говоря, именно так произошло и с той темой, которая впоследствии получила наименование «Власов и власовцы». Вопрос о власовском движении, а в просторечьи – вопрос о власовцах, был актуален в первые послевоенные годы, когда он прочно, казалось незыблемо, ассоциировался с предательством, с изменой Родине и не вызывал разногласий. В ту подцензурную пору данные о судьбах бывших военнопленных оставались засекреченными, и на бытовом уровне утвердилось мнение, будто практически все они из немецкого плена, как говорится, «транзитом» проследовали через фильтрационные лагеря в лагеря ГУЛАГа. По служебной необходимости изучая впоследствии этот вопрос, могу сказать, что молва несомненно преувеличила размеры репрессий в отношении бывших военнопленных. Здесь, конечно, нет возможности углубляться в анализ этой проблемы, однако хочу все же

привести один эпизод, который и дает представление о «верховном» подходе к ней, то есть линии в этом вопросе Сталина, которая по вполне понятным причинам и была определяющей.

Эпизод, о котором мне поведал один из его непосредственных участников, произошел в сороковых годах, вскоре после окончания Великой Отечественной войны. На заседании Секретариата ЦК ВКП(б), проходившем под председательством Сталина, в ходе обсуждения взял слово секретарь ЦК П. К. Пономаренко и сказал примерно следующее:

– Иосиф Виссарионович, я слушаю выступающих, и мне кажется, они совершенно не думают о том, что нам, возможно, еще придется воевать...

Сталин моментально отреагировал на это очень мудрое замечание и круто повернул обсуждение в плоскость того, что надо обстоятельно разбираться с каждым бывшим военнопленным в отдельности, а не зачислять в категорию предателей и трусов всех подряд. Действительно, людям, прошедшим войну, хорошо известно, в каких трагических, безвыходных обстоятельствах порой оказывались на фронте солдаты и командиры, далеко не каждого попавшего в плен можно было обвинить в трусости. А уж что касается предательства, измены, тут и вовсе разговор особый, счет штучный, а не массовый.

Пономаренко, который в годы войны возглавлял Центральный штаб партизанского движения, возможно, лучше, чем кто-либо другой, знал эту проблему, поскольку именно в его отрядах геройски сражались многие советские солдаты и офицеры, попавшие в фашистский плен, а затем бежавшие к партизанам. Метить всех бывших военнопленных клеймом изменника Родины означало бы не только вершить жгучую несправедливость, но и создавать опасный прецедент на будущее: в следующей и скорой войне, которую в ту пору считали практически неизбежной, попавшие в плен не стали бы стремиться к возвращению на Родину, опасаясь неотвратимых репрессий.

Именно эту ноту, эту опасность чутко уловил Сталин в реплике Пономаренко. А потому сразу свел разговор к персональной ответственности каждого бывшего военнопленного.

Этот эпизод весьма примечателен, поскольку иллюстрирует ход мыслей самого Сталина. А от его мнения, повторюсь, целиком и полностью зависела государственная политика в отношении бывших военнопленных.

* * *

Тем не менее дров, конечно, было наломано немало, но в 60—70-х годах волна пошла в другую сторону и начала поднимать на свой гребень и бывших власовцев. Самая крупная, я бы сказал, запевная публикация на эту тему принадлежала известному донскому писателю Анатолию Калинину. Литератор, безусловно, талантливый, он с большой художественной силой поведал в повести «Эхо войны» об одном из таких людей, не по своей воле оказавшихся в РОА, в «Русской освободительной армии», сколоченной генералом Власовым.

Надо сказать, что в тот период тема об отзвуках военного лихолетья вообще была популярной. В частности, Аркадий Сахнин опубликовал в «Комсомольской правде» большой очерк под таким же названием – «Эхо войны», посвященный обнаружению и разминированию в Курске колоссального потаенного склада немецких артснарядов и мин, от взрыва которого мог взлететь на воздух почти весь город. Резко оживился интерес к военным мемуарам: крупные советские военачальники фронтовых лет к тому времени начали выходить в отставку и получили возможность взяться за перо, чтобы поведать, говоря словами популярной песни военных лет, о друзьях-товарищах, об огнях-пожарищах, о собственном видении великой войны.

На этом фоне повесть Анатолия Калинина, которая по существу как бы оправдывала власовское движение, привлекла внимание своей исторической неточностью, своего рода «все-ленской смазью»: о бывших военнопленных начали судить в целом, вообще, скопом, объявляя всех их невинно пострадавшими, – вместо того чтобы разбираться в каждой конкретной

судьбе. Я неплохо знал Калинина и при встрече высказал ему сомнения на этот счет. Однако разговор у нас не получился. Но, к сожалению, мои тревоги оказались не напрасными. Повесть «Эхо войны» совпала по времени с появлением на Западе потока литературы о власовцах, причем все публикации били в одну цель, доказывая, что власовское движение было не чем иным, как восстанием свободолюбивого русского народа против большевизма.

При этом само понятие «власовцы» было, с одной стороны, антиисторически расширено, а с другой – сведено к русскому национальному вопросу, что также не соответствовало исторической истине. Поэтому возникает необходимость более подробно разобраться в этой проблеме...

Если исключить из рассмотрения диверсантов, закончивших спецшколы, и полицаев, численность которых в целом была невелика, то прослойка так называемых власовцев подразделяется на три категории. К первой, относительно самой большой, причислялись те, кто носил немецкую форму, однако не имел оружия и служил в тыловых частях, в обозах, кого привлекали на хозяйственные работы. Как правило, таких людей подневольно использовали в командах генерала Тодта, возглавлявшего инженерно-тыловое обеспечение фашистской армии. Они не принимали участия в боевых действиях, к тому же среди них было немало партизанских лазутчиков, выполнявших разведывательные задания. Этих людей неправомерно причисляли к власовцам, несправедливо ассоциируя их с изменниками Родины.

Вторая категория, крайне малочисленная, состояла из отпетых бандитов, бывших уголовников, которых немцы использовали в качестве провокаторов: переодевали в советскую форму и забрасывали в наш ближний армейский тыл. Они начинали там пальбу, инсценируя вражеские прорывы, устраивая панику и так далее. Разведка регулярно доносила, что такие группы провокаторов всегда находились у немцев под рукой, это были своего рода «камикадзе», в плен они не сдавались, прекрасно понимая, какая участь их ждет. Этих изгоев тоже нельзя причислять к власовцам, они к ним никакого отношения не имели.

И, наконец, третья категория – это непосредственно власовцы, то есть те, кто служил в «Русской освободительной армии» генерала Власова.

Но в обыденном сознании все три вышеуказанные категории объединились одним понятием – «власовцы». Между тем оно отнюдь не безобидно – не только в плане несправедливости по отношению к конкретным личностям, но и в смысле большой исторической неправды. Дело в том, что волна реабилитации Власова, поднятая в 70-х годах на Западе, преследовала далеко идущие цели и была, что называется, с двойным дном. Внешне речь вроде бы шла о том, что Власов и его воинство хотели освободить Россию от большевистского ярма, а потому генерал Власов – это в некотором роде антиСталин, намеренно скомпрометированный Кремлем как предатель, изменник. В этой плоскости шло «отбеливание» предательства вообще, «облагораживание» тех, кто в годы смертельной схватки с фашизмом воевал с оружием в руках против своего Отечества, к тому же предал присягу.

Но был во всей этой пропагандистской возне и второй, как бы подспудный пласт. Армию генерала Власова и власовцев вообще, вдобавок в явно расширительном, искривленном толковании, о котором сказано выше, все более активно начали ассоциировать с сугубо национальным русским явлением. Здесь западные пропагандисты делали своего рода обратное сальто-мортале, возвращаясь к теме об измене Родине, и отождествляли предательство власовцев, воевавших на стороне Германии, с национальным русским позором, превращая власовцев в синоним и в символ русского предательства вообще.

Не говорю о том, что это даже фактически не соответствовало истине, поскольку и в РОА, и среди других категорий бывших советских граждан, так или иначе оказавшихся в вооруженных силах фашистской Германии, были люди многих национальностей, как в свое время, предположим, в русской редакции радио «Свобода». Но коварство такого отождествления власовцев с русским населением заключалось в том, что представители некоторых других

национальных групп, в годы Великой Отечественной войны сражавшиеся против СССР, сразу же ухватились за этот тезис, ставший для них неким оправданием. В частности, мне известно, что его взяли на вооружение бывшие бандеровцы, утверждавшие примерно следующее: да, мы воевали против СССР, но нас, украинских националистов, было меньше, чем русских власовцев. Да и прибалты, например, чьи воинские формирования воевали на стороне Германии, начали использовать тезис о власовцах для сопоставления с ними своего «уровня предательства» – в процентном отношении к общей численности той или иной нации.

Короче говоря, непроясненность вопроса о Власове и власовцах, попытки чохом реабилитировать всех состоявших в РОА, неправомерно расширительное толкование самого понятия «власовцы», стремление объявить власовцев борцами за святую Русь и в то же время бросить тень предательства на весь русский народ – все это перемешалось в мутном потоке невольной или преднамеренной дезинформации, в котором принялись «удить рыбку» самые различные, порой даже противостоящие друг другу общественные, политические и национальные силы.

* * *

Примерно в тот период у нас и состоялся обстоятельный разговор на эту тему с Николаем Николаевичем Яковлевым. Разговор сводился к тому, что противопоставить этому мутному потоку дезинформации и недопонимания можно только одно – строго выверенную, основанную на неопровержимых исторических фактах истину. Человек очень энергичный, с живым умом, Яковлев сразу, несмотря на сложность темы, заразился ее привлекательностью для серьезного научного исследования. Он высказал желание поработать над ней, выдвинув условие: привлечь архивы КГБ, относящиеся к Власову и власовцам.

Эта просьба была выполнена, и в распоряжении историка оказались не только материалы оперативной разработки Власова и его ближайших подручных, но также документы Четвертого управления НКВД, которое в годы Великой Отечественной войны занималось закордонной, зафронтовой работой. Управление это было ликвидировано в 1947 году за ненадобностью, но в его архивах сохранилось много интересных данных о деятельности наших диверсионных групп в тылу врага, а также о противодействии проникновению немецкой агентуры в наш тыл. В его сферу деятельности входила и работа против РОА – «Русской освободительной армии» генерала Власова.

Николай Николаевич Яковлев с головой погрузился в изучение предоставленных ему материалов и через некоторое время написал большую книгу, всесторонне освещающую тему «Власов и власовцы». Но самостоятельно Николай Николаевич отнести рукопись в какое-либо издательство не мог. В то время такие сложные, противоречивые исторические темы предварительно обкатывались на Старой площади и лишь затем по указанию из Агитпропа ЦК КПСС принимались в печать. Однако неожиданно для меня самого в тот период, в первой половине семидесятых годов, публикация книги Н. Н. Яковлева «Власов и власовцы» встретила в Агитпропе ЦК КПСС довольно активные возражения. В то время, полагаю, причин было несколько, но ни одна из них не носила принципиального характера. На мой взгляд, просто сказывалась атмосфера тех лет, нежелание углубляться в суть исторических явлений.

Ведь публикация книги Н. Н. Яковлева влекла за собой некие официальные разъяснения, уточняющие само понятие «власовцы». Она требовала поставить заслон обелению, даже возвеличиванию самого Власова и, как следствие, покончить с оправданием предательства некоторых других национальных «героев» типа Бандеры. Наконец, она восстанавливала справедливость по отношению к тем тысячам солдат и офицеров 2-й ударной армии, которые не сдались в плен вместе с Власовым и его штабом, а пали смертью храбрых в боях за Родину.

И вот мне кажется сегодня оправданным решение вернуться к написанному мною в 1996 году «предисловию к предисловию». Предисловие – вступительная часть рукописи, сохранившаяся в домашнем архиве ушедшего из жизни профессора. Оно позволяет коснуться самой концепции всей книги Н. Н. Яковлева:

«В зарубежной, а в последние годы и в российской литературе о Власове и власовцах проводятся мысли о будто бы «мессианской» задаче избавления России от большевизма, которую ставило перед собой власовское движение. Но исторические факты неумолимо свидетельствуют: никакого власовского движения по сути и не было. Ведь понятие «движение» предполагает определенную идеологию, а также единомыслие, целеустремленность его участников. Между тем, сами обстоятельства пленения Власова и его дальнейшее «использование» немцами показывают, что РОА сколачивалась на основе вовсе не идейной, а сугубо шкурной мотивации.

Начать с того, что генерал Власов пробыл в должности командующего 2-й ударной армии считанные дни – почему-то об этом сейчас упорно умалчивают. Эта армия зимой 1942 года попала в окружение, но благодаря умелым артиллерийским ударам командование Волховского фронта сумело пробить коридор шириной примерно полтора километра и армия начала выходить из котла. Однако был тяжело ранен командарм генерал Журавлев, его срочно эвакуировали в тыл, а на смену ему направили заместителя командующего Волховским фронтом генерал-лейтенанта Власова.

Когда Власов прилетел в штаб 24-й ударной армии, немцы снова замкнули кольцо окружения. На помощь вылетел, как он мне рассказывал, заместитель командующего артиллерией фронта генерал-майор Кулешов – чтобы восстановить коридор прежним способом. Но он застал лишь пустые блиндажи и палатки – Власов и его штаб ушли к немцам. Таким образом, ни о какой сдаче в плен врагу всей 2-й ударной армии речи вообще не было – армия продолжала мужественно сражаться, генерал Кулешов тоже был тяжело ранен, однако избежал плена. Добровольно сдалась фашистам лишь маленькая горстка штабистов, близких генералу Власову. Эти обстоятельства и предопределили дальнейшую судьбу Власова, пошедшего на сотрудничество с фашистами. Изначально у него не было своей армии, и ее пришлось рекрутировать в лагерях для военнопленных. Естественно, при таком разношерстном наборе ни о каких идейных соображениях просто не могло быть и речи. В РОА в основном шли две категории военнопленных, причем ни тех ни других, на мой взгляд, осуждать не следует.

Одни просто пытались вырваться из нечеловеческих условий концлагерного существования, чтобы не умереть от холода и болезней. А другие сразу прикинули: если пойти в РОА, то появится возможность попасть на фронт, а это самый близкий путь для возвращения к своим, на Родину. Что же касается тех, кто действительно стремился свести счеты с большевиками, то их было очень немного. Именно по этой причине в верховном германском руководстве существовало стойкое недоверие к РОА, а самого Власова использовали прежде всего в пропагандистских целях. От его имени издавали газеты и бесчисленные листовки, которые забрасывали в наш ближний фронтовой тыл, – в таких листовках непомерно раздувались масштабы власовской армии, а сами они служили пропуском для прохода через линию фронта к немцам.

Именно из-за недоверия к Власову и его армии в германском руководстве постоянно шли трения и относительно использования РОА. Непосредственно «движение» курировал Гиммлер, который все же считал возможным «опробовать» власовцев в боевых условиях. Но этому упорно противился Гитлер, который вообще не доверял русским, даже выступавшим под антисталинскими знаменами. Но одну из власовских бригад под командованием Гиля-Родионова все-таки «опробовали» – правда, не на фронте, а всего лишь для борьбы с партизанами. О том, каким был эффект этой «апробации» и вообще о значении власовского движения весьма красноречиво пишет в своих воспоминаниях, вышедших на русском языке в 1991 году, бывший руководитель фашистской разведки Вальтер Шелленберг:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.